

ИЗВѢСТІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

VI СЕРІЯ.

ТОМЪ X. 1916.

Январь—Май, №№ 1—10.

Первая часть.

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

VI SÉRIE.

TOME X. 1916.

Janvier—Mai, №№ 1—10.

Première partie.

ПЕТРОГРАДЪ. — PETROGRAD.

О частицахъ отрицанія при повелительномъ
наклоненіи въ монгольскомъ языкѣ.

В. Я. Владимірцова.

(Представлено въ засѣданіи Отдѣленія Историческихъ наукъ и Филологіи 27 января 1916 г.).

I.

Въ письменномъ монгольскомъ языкѣ извѣстна одна частица отрицанія при повелительномъ наклоненіи: **ᠪᠤᠭᠤ** «буу»¹. Впослѣдствіи въ томъ же языкѣ стала употребляться еще одна частица отрицанія при пове-

¹ См. I. J. Schmidt. *Grammatik der Mongolischen Sprache*. St.-Petersburg, 1831, р. 89, Я. Шмидтъ. *Грамматика монгольскаго языка*. С.-Петербургъ, 1832, стр. 93.

О. Ковалевскій. *Краткая грамматика монгольскаго книжнаго языка*. Казань, 1835, стр. 127.

О. Ковалевскій. *Монгольская хрестоматія*. Казань, 1836, т. I, стр. 248—249.

Алексѣй Бобровниковъ. *Грамматика монгольско-калмыцкаго языка*. Казань, 1849 (въ цитатахъ ниже: *Грамм.*), стр. 175—176.

Léon Feer. *Tableau de la Grammaire Mongole*. Paris, 1886, р. V.

В. Л. Котвичъ. *Лекціи по грамматикѣ монгольскаго языка*. Изданіе студентовъ Э. Маурингъ и Э. Беренсъ. С.-Петербургъ, 1902, стр. 130.

А. Д. Рудневъ. *Лекціи по грамматикѣ монгольскаго письменнаго языка*, читанныя въ 1903—1904 академическомъ году. Выпускъ I, С.-Петербургъ, 1905 г., стр. 41.

Г. Ц. Цыбиковъ. *Пособіе къ практическому изученію монгольскаго языка*. Владивостокъ, 1915 г. (ниже: *Пособіе*), стр. 16, 19.

лительномъ наклоненіи — ^{буу} «бітегеі»¹. Г. І. Рамстедтъ обратилъ вниманіе на эту послѣднюю частицу и въ своей работѣ о глагольныхъ формахъ халхасцевъ даетъ объясненіе ея происхожденія; только Г. І. Рамстедтомъ эта частица дается въ формахъ «бітүгеі, бүтүгеі», не встрѣчавшихся мнѣ въ монгольскихъ текстахъ, происхожденіе же этой частицы отрицанія при повелительномъ наклоненіи Г. І. Рамстедтомъ объясняется совершенно вѣрно, какъ optativus на «тубай, түгеі» отъ глагола «бү» — быть, подобно другой частицѣ «байтубай» — не только... по и, являющейся optativ. на «тубай» отъ глагола «бай» — быть, существовать². Теоретически возстановленная форма optativ. отъ в. «бү», сдѣлавшаяся частицей отрицанія при повелительномъ наклоненіи, будетъ *бүтүгеі; въ монгольскихъ текстахъ optativ. отъ в. «бү» никогда не употребляется, формы же частицы отрицанія «бітүгеі» и «бүтүгеі» сомнительны, и если и встрѣчаются, то очень рѣдко³.

Какъ частица отрицанія при повелительномъ наклоненіи, форма «бітегеі» < *бүтүгеі (|| «байтубай»), по всей вѣроятности, попала въ монгольскую письменность въ сравнительно новое время (старые тексты ея не знаютъ) изъ живой рѣчи, гдѣ старая форма *бүтүгеі успѣла уже измѣниться и давно уже перестала чувствоваться, какъ optativ. отъ в. бү. Дѣйствительно, въ монгольскомъ языкѣ ү послѣ б часто измѣняется въ і. Напр., халх.-зап., банг., захач. біс < «бүс» — поясъ; халх.-зап., дэрб.-коб., банг., захач. бір (|| бүр; бүр) < «бүр» — вѣтка; повидимому, уже въ старомъ монгольскомъ языкѣ «ү» послѣ «б» чередовался съ «і», что наблюдается и въ родственныхъ турецкихъ словахъ, напр., монг.-письмен. «бүтү, «бүте», дэрб.-коб., банг. бүт, біт — исполниться, совершиться, по «бітегүү» — цѣльный, пол-

¹ См. G. J. Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XIX. Helsingfors, 1903 (ниже Konjug.), p. 72

G. J. Ramstedt. Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Moghol-sprache in Afganistan. Journal de la Société Finno-Ougrienne, XXIII, 4, Helsingfors, 1905, p. 24.

² А. Бобровниковъ уже обратилъ на это свое вниманіе и далъ почти такое же объясненіе (Грамм. 175—176). Имъ только предполагается optativ. отъ какой-то другой основы «бу».

См. также В. Л. Котличъ. Лекціи. 130—131.

³ К. О. Голстунскій и Р. Ц. Цыбиковъ указываютъ на форму «бітүгеі» и «бүтүгеі» безъ ссылки на источники; см. Монгольско-русскій словарь, составленный профессоромъ С.-Петербургскаго Университета К. О. Голстунскимъ, т. I, стр. 230, С.-Петербургъ, 1895, и Р. Ц. Цыбиковъ. Пособіе, 19.

ный, «бітегүн», дэрб.-коб., бапт. бѹтѹн, бітѹн, халх.-зап. бітѹн, бітѹн — послѣдній день мѣсяца; тур.: уйг., осм., дж., хив., сарт., тркм., крм., вр. біт — быть оконченымъ, готовымъ, исполненымъ, кончатся, уйг., дж., тар. бѹт — id.; осм., крм., ком. бѹтѹн — цѣлый, полный; дж. бѹтеѹ — петропутьй, цѣлый; въ старо-монг. памятникахъ «бѹсіре», монг.-письмен. «бісіре», ойрат. письмен. «бішіре» — почитать, уважать, благоговѣть.

Далѣе нужно выяснитъ почему въ формѣ «бітегеі» послѣ «т» вмѣсто «ѹ» имѣется «е»?—Вѣроятно, стали писать «е» по аналогіи съ послѣдующими гласными и потому, что не знали, какъ изобразить гласный неполнаго образованія, обычно появляющійся въ предпослѣдномъ слогѣ въ разныхъ монгольскихъ нарѣчіяхъ и часто совершенно исчезающій¹, въ то время какъ морфологическое чутье формы «тегеі» < *-тѹгеі уже утратилось. Во многихъ монгольскихъ и ойратскихъ рукописяхъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, можно найти много примѣровъ подобнаго же неумѣнья обозначать гласные неполнаго образованія, при чемъ явно обнаруживается тенденція выразитъ и въ письмѣ ассимиляцію гласныхъ; напр., въ парижскомъ экземплярѣ монгольскаго Ганджура, напечатаннаго при Цянь-Лунѣ (вывезенъ проф. P. Pelliot), встрѣчаются такія формы: «ѹцѹ(-гѹлѹмѹі)» (vol. ца отдѣла «елдеб», f. 381 v.) и «ѹце(бе)» (vol. га отдѣла «ндулба», f. 9 r.)—двѣ формы отъ глагола «ѹце» — видѣть²; «бѹлѹчиг, бѹлѹчѹг» и «бѹлѹчег» — кольцо, перстень (vol. да, отдѣла «ндулба») и др.; въ монгольскихъ рукописяхъ и ксилографахъ³ разныхъ эпохъ постоянно встрѣчаются формы: «табаѹ» и «табуѹ» — блюдо, «котон» и «котан» — городъ, «боскан» и «боскуп» — поднявшійся; еще больше примѣровъ того же явленія даютъ ойратскіе тексты: «модон» и «модун» — дерево, «бурхун» и «бурхан» — Будда, бурханъ, «огѹлѹксен, огѹлѹксен» и «огѹлексен» — сказавшій, «тѹшѹмел» и «тѹшмел» — чиновникъ, и т. п.

¹ Объ этомъ явленіи см. Г. I. Рамstedтъ. Сравнительная фонетика монгольскаго письменнаго языка и халх'ско-ургуискаго говора. Переводъ студентовъ Факультета Восточныхъ языковъ Имв. С.-Пб. Университета, съ перваго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей прив.-доц. А. Д. Руднева, съ дополненіями автора. С.-Петербургъ, 1906 (ниже: Фов.), стр. 49—50 и В. Л. Котвичъ. Овытъ грамматики калмыцкаго разговорнаго языка. Петроградъ, 1915 (ниже: Овытъ), стр. 10—14.

² Въ данномъ случаѣ, можетъ быть, тоже слѣдуетъ видѣть примѣръ древняго чередованія «ѹ» и «е».

³ Къ сожалѣвію, монголисты до сихъ поръ не располагаютъ ни однимъ научно составленнымъ описаніемъ рукописей, ни однимъ каталогомъ. Монгольская палеографія находится болѣе, чѣмъ въ зачаточномъ состояніи.

Благодаря тому же влиянію живой рѣчи частица *бүтүгеі является въ некоторыхъ монгольскихъ рукописяхъ въ формахъ: $\begin{matrix} \text{ᠪᠦᠲᠦᠭᠡᠢ} \\ \text{ᠪᠦᠲᠦᠭᠡᠢ} \end{matrix}$ «бетегеі» $\begin{matrix} \text{ᠪᠦᠲᠦᠭᠡᠢ} \\ \text{ᠪᠦᠲᠦᠭᠡᠢ} \end{matrix}$ «бітгеі, біткеі».

Въ современныхъ живыхъ нарѣчіяхъ эта частица отрицанія при повелительномъ склоненіи встрѣчается въ такихъ формахъ: халх.-ург. біт'егі, біт'егэ, біт'егā¹, дэрб.-коб. банг., мниг., захач., урях.-алт. бітэгā, бітгā, біткā, банг. бігā, торг.-алт., торг.-астр., дэрб.-астр. бічкā, дэрб.-астр., торг.-астр. бічā, бічгā² (ойрат. письменная форма «бічігеі» встрѣчается только въ самыхъ новыхъ рукописяхъ)³. Просматривая перечень этихъ формъ, легко отмѣтить такіа параллели образованій:

$$*бүтүгеі > «бітегеі» > \begin{cases} бітэгā \approx біткā \approx бігā \\ бічгā \approx бічкā \approx бічā. \end{cases}$$

Образованіе формъ біткā и бічкā вполне понятно: *бүтүгеі > «бітегеі» > бітэгā > біткā. Дѣйствительно, дифтонгъ «еі» древне-монгольского языка даетъ во многихъ современныхъ нарѣчіяхъ ā⁴; предпоследній гласный стараго языка или дѣлается гласнымъ неполнаго образованія, или же исчезаетъ вовсе, что наблюдается во многихъ, если не во всѣхъ, монгольскихъ говорахъ⁵; наконецъ, звонкіе подъ влияніемъ предшествующихъ глухихъ, ассимилируясь съ ними, измѣняются тоже въ глухіе; въ настоящемъ случаѣ г, очутившись рядомъ съ т, измѣняется въ соответствующій глухой к⁶.

Нѣсколько труднѣе представить себѣ образованіе формъ «бічігеі», бічгā. По всей вѣроятности, онѣ тоже образовались изъ «бітегеі» > *бүтүгеі. Можно думать, что ойраты, имѣющіе теперь формы «бічігеі», бічгā и

¹ G. J. Ramstedt. Konjug., p. 72.

² В. Л. Котвичъ. Опытъ, стр. 136.

³ В. Л. Котвичъ. Опытъ, стр. 136.

А. Бобровниковъ. Грамм., стр. 175.

А. Поповъ въ своей очень полной «Калмыцкой грамматикѣ» (Казань, 1848) этой частицы не упоминаетъ вовсе, стр. 173—177.

⁴ Г. I. Ramstedt. Фон., стр. 55—56.

В. Л. Котвичъ. Опытъ, стр. 13—14.

⁵ Г. I. Ramstedt. Фон., стр. 49—50.

В. Л. Котвичъ. Опытъ, стр. 10—11.

⁶ Объ этомъ явленіи см. А. Д. Рудневъ. Матеріалы по говорамъ Восточной Монголіи. С.-Петербургъ, 1911 (виже МВМ), стр. 176.

А. Д. Рудневъ. Хори-бурятскій говоръ. Опытъ изслѣдованія, тексты, переводы и примѣчанія. Петроградъ, 1913—1914, (ниже ХВГ). Выпускъ I, стр. XIV.

бічкѣ, знали раньше формы *бітегеі, *бітѣгѣ, встрѣчающіяся и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ ойратскихъ племенъ, напр., у баятовъ, кобдоскихъ дэрбэтовъ, захачиновъ и др., хотя, можетъ быть, и подъ вліяніемъ халхасцевъ. Подъ вліяніемъ переднихъ («мягкихъ») гласныхъ и въ особенности подъ вліяніемъ предшествующаго і, звукъ т (въ формѣ *бітегеі, *бітѣгѣ) сталъ палатализоваться и измѣнился въ *т'. Аналогичныхъ примѣровъ можно представить много, пользуясь матеріаломъ, даваемымъ разными монгольскими нарѣчіями. Напр., дэрб.-коб., бант., захач. ā'īdā — вѣдать, — образовалась изъ ā'lād < *ā'lād < «ajlād», гдѣ л подъ вліяніемъ предшествующаго і измѣнился въ l, т. е. палатализовался; дэрб.-коб., дэрб.-астр., торг.-алт., торг.-астр., бант., захач., уряих.-алт., минг. ūl — плакать, — < *u'ila < «угіла, уjіла», ср. ойрат. письмен. «уjіла» (встрѣчающаяся въ нѣкоторыхъ ойратскихъ рукописяхъ форма «ūlī»¹ возникла, очевидно, подъ вліяніемъ живой рѣчи), горл. ūl, öxöl, дурб.-бейс. ūal, халх. уйлă, бур. уйлă; тур.: каз. абыла, уйг., осм. абла, ком. ыбла, алт. уйла.

Далѣе, *т' въ монгольскомъ языкѣ часто измѣняется въ ч, напр., уджум. чимѣ < *t'imѣ < t'imѣ < «теjimү»² — такой, такъ, да; Г. I. Рамстедтъ совершенно справедливо отмѣтилъ развитіе *т < *ті и *т' > «ч»³ для стараго монгольскаго языка; накапливающейся новыи матеріалъ только подтверждаетъ его предположеніе (напр. монг. «чиңна» — слушать, внимать < *t'iңna < *tiңna, ср. тур., уйг. тың — слушанье < кит. 聽, какъ мнѣ указалъ академикъ В. В. Радловъ, каз., крм. тыңа — внимать, слушать, леб., шор., саг., койб., каз. тыңна, алт., тел., кир., сойот. тыңда). Подъ вліяніемъ мягкаго ч < *т' гласный е измѣнился въ і и такимъ образомъ получились формы «бічігеі», бічигѣ.

Измѣненіе же е въ і подъ вліяніемъ предшествующаго ч часто наблюдается въ разныхъ монгольскихъ нарѣчіяхъ, напр., бант. чід — мочь, быть въ состояніи < чад < «чйда»⁴, гдѣ, такимъ образомъ, языкъ возстановилъ

¹ См. А. М. Позднѣевъ. Калмыcko-русскій словарь въ пособіе къ изученію русскаго языка въ калмыцкихъ начальныхъ школахъ. С.-Петербургъ, 1911, стр. 45.

² А. Д. Рудневъ. МВМ, стр. 177.

³ Г. I. Рамстедтъ. Фон., стр. 10—11. Ср. также объясненіе А. Бобровникова (Грамм., стр. 176): «бичигэй прозвонило изъ битэгэй также, какъ изъ тейму произошло чийми». Формы «чийми» и «тімі, чімі» встрѣчаются иногда въ монгольскихъ рукописяхъ и ксилографахъ вм. «теjimү», см. К. О. Голетунскій. Монгольско-русскій словарь, III, стр. 265.

⁴ Ср. А. Д. Рудневъ. МВМ, стр. 188.

древній гласный і, ср. хал., бур., ойрат. чад. Что касается формы бичк̄ā, то развитие ея изъ бичіг̄ā аналогично бітк̄ā < бітөг̄ā.

Любопытно отмѣтить одинъ фактъ развитія формы, аналогичный развитію бичіг̄ā < бітөг̄ā < *бүтүгеі: въ нѣкоторыхъ ойратскихъ былинахъ, распѣваемыхъ профессиональными пѣвцами въ с.-з. Монголіи, встрѣчается форма гичк̄ā, какъ optativ. отъ глагола ге (гі) говорить (гичк̄ā < гитөг̄ā < гетөг̄ā < «гетүгеі»). Замѣчательно еще и то, что форма гичк̄ā встрѣчается въ былинахъ банговъ (напр., въ былинѣ Хаң-Харяңвү), употребляющихъ теперь въ качествѣ частицы отрицанія при повелительномъ склоненіи не форму бичк̄ā, а бітк̄ā, біт̄ā.

Нѣсколько труднѣе объяснить ходъ развитія формъ біт̄ā и бич̄ā. По всей вѣроятности, онѣ образовались отъ бітк̄ā и бичк̄ā, благодаря ассимиляціи к съ предшествующими т и ч и, видимо, прошли черезъ стадію развитія въ формахъ *бітг̄ā, *бичч̄ā. На возможность подобнаго объясненія наводятъ такія аналогичныя явленія развитія формъ монгольскаго языка: торг.-астр., торг.-алт., дэрб.-астр., дэрб.-кобд. очі — отиравилса < отчі < «одчі» (ойрат. шсьмен.) < «одчу», гдѣ т < д, ассимилируясь съ послѣдующимъ ч, исчезъ и вполне возможно предположить переходную форму *оччі; бант. үтсү < үзсү < үзёксү < «үцегсен» — видѣвшій, гдѣ з < ц, очутившись благодаря исчезновенію е рядомъ съ с, ассимилируясь съ нимъ, измѣнился въ т; бант. дач̄сү < дач̄тсү < дач̄тсү < дач̄і читсү < дач̄і чадсү < «дабацу чідавсан» — выдержавшій; дэрб.-кобд., бант., хотогойт., халх.-зап. болці-гл̄ā < болці гекл̄ā < болці гекел̄ā, болці гехел̄ā < «болцу гекүле» — если такъ, если сдѣлалось, гдѣ гл̄ā < *гг̄л̄ā < *гг̄л̄ā < гекл̄ā < «гекүле». Во всякомъ случаѣ, нельзя предполагать, что біт̄ā и бич̄ā образовались изъ бітөг̄ā и бичіг̄ā путемъ «стяженія» ёг̄ā и іг̄ā; одновременно съ бітөг̄ā и бичіг̄ā существующія формы бітк̄ā и бичк̄ā хорошо показываютъ путь развитія.

Такимъ образомъ мы прослѣдили развитіе формъ частицы отрицанія при повелительномъ склоненіи, которыя могутъ быть возведены къ формѣ *бүтүгеі, являющейся optativ. отъ глагола «бү» — быть.

II.

Обратимся теперь къ другой частицѣ отрицанія при повелительномъ склоненіи. Въ монгольскихъ рукописяхъ и ксилографахъ частица эта чаще всего встрѣчается въ формѣ **ᠪᠤᠭᠤ** «буу». Она сохранилась во многихъ жи-

выхъ монгольскихъ нарѣчійхъ: хори-бур.¹ бӯ, бе, ару-хорч., дурб.-бейс., джаст., горл. бу², могол. бі³; затѣмъ въ живомъ литературномъ разговорномъ языкѣ кобдоскихъ ойратовъ встрѣчается форма бӯ⁴. На основаніи этихъ данныхъ можно было бы предполагать древнюю общую форму *бӯ; ойратскій письменный языкъ⁵ даетъ важное подтвержденіе этому предположенію. Дѣйствительно, въ ойратскихъ рукописяхъ, старыхъ и новыхъ, эта частица отрицанія при повелительномъ наклоненіи встрѣчается чаще всего въ формѣ ⚡ «бӯ», и только въ болѣе новыхъ рукописяхъ, и то рѣдко, попадается форма ⚡ «бу». Проф. А. Поповъ, повидямому, обратилъ уже вниманіе на это обстоятельство, потому что въ своей «Калмыцкой грамматикѣ»⁶ онъ указываетъ только одну форму ⚡ «бӯ», какъ частицу отрица-

¹ См. А. Д. Рудневъ. ХБГ, стр. IXXIII.

Протоіерей А. Орловъ въ своей «Грамматикѣ монголо-бурятскаго разговорнаго языка» (Казань, 1878), указываетъ форму «бу» (стр. 187), однако надо имѣть въ виду, что его транскрипція очень несовершенна. Кастренъ тоже пишетъ бу («bu»), см. M. Alexander Castrén's Versuch einer Burjätischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Herausgegeben von Anton Schiefner. St.-Petersburg, 1857, p. 72—73

² См. А. Д. Рудневъ. МВМ, стр. 74. Въ Опытѣ словаря указаны формы бӯ (ару-хорч., дурб.-бейс., джаст.), бу (гора.), но въ текстахъ есть бу и для ару-хорч. (стр. 17). Надо имѣть еще въ виду, что въ восточно-монгольскихъ говорахъ часто у и ү < «ү» не различаются (ibid., стр. 192), такъ что, быть можетъ, и для восточно-монгольскихъ говоровъ возможно признавать существованіе формы бӯ.

³ См. G. J. Ramstedt. Mogholica, p. 24.

⁴ У современныхъ ойратовъ (западныхъ монголовъ, калмыковъ) Кобдоскаго округа с.-з. Монголіи наравнѣ съ обыденнымъ, часто небрежнымъ, языкомъ существуетъ особый, традиціонно сохраняющійся, болѣе возвышенный, «идеальный» языкъ, болѣе древній и получающій особое примѣненіе въ устныхъ эпическихъ произведеніяхъ. Несмотря на различіе ойратскихъ нарѣчій и говоровъ с.-з. Монголіи этотъ живой литературный языкъ является болѣе или менѣе одинаковымъ въ устахъ представителей разныхъ ойратскихъ племенъ, говорящихъ на разныхъ нарѣчійхъ. Частица отрицанія при повелительномъ наклоненіи въ формѣ бӯ встрѣчается въ такомъ живомъ литературномъ разговорномъ языкѣ разныхъ ойратскихъ племенъ, живущихъ иногда далеко другъ отъ друга, напр. захач. бӯ ке-лѣк, — пусть не говоритъ, бант. бӯ jowō — не иди, не смѣй итти.

⁵ Ойратская (западно-монгольская, калмыцкая) письменность и литература возникли въ половинѣ 17-го вѣка благодаря дѣятельности Зал Пандиты (см. К. О. Голдстунскій. Монголо-ойратскіе законы 1640 года, дополнительные указы Галданъ-хувъ-тайджія и законы, составленные для Волжскихъ калмыковъ при калмыцкомъ ханѣ Дондукъ-Даши. Калмыцкій текстъ съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями. С.-Петербургъ, 1880, стр. 121—130). Въ настоящее время у многихъ ойратскихъ племенъ эта письменность (тодб бичикъ) вытѣсняется монгольской (худу бичикъ).

⁶ Стр. 174. См. также В. Jülg. Die Märchen des Siddhi-Kür. Kalmükischer Text mit deutscher Übersetzung und einem kalmükisch-deutschen Wörterbuch. Leipzig, 1866, p. 170. А. Бобровниковъ (Грамм., стр. 175) указываетъ форму ⚡ «бӯ», но замѣчаетъ: «Вмѣсто

нія при повелительномъ наклоненіи. Очень можетъ быть, что появленіе формы **ᠪ** «бу» надо будетъ отнести къ безграмотнымъ написаніямъ. Ойратскіе грамотѣи, въ виду слабости письменныхъ и литературныхъ традицій, часто не знаютъ, какъ примирить формы живой рѣчи съ правилами старой письменности¹.

Вотъ эти дашныя и заставляютъ пересмотрѣть вопросъ о частицѣ монгольскаго письменнаго языка **ᠪ** «буу».

Въ монгольскихъ рукописяхъ и ксилографахъ, кромѣ этой формы, встрѣчаются и другія: **ᠪ** «бү», **ᠪ** «буі», или «бү», **ᠪ** «бүү», или «буіу»². Можно-ли считать на основаніи существованія этихъ формъ, что и въ письменномъ монгольскомъ языкѣ имѣлась частица «бү», которую тогда можно было бы считать общемонгольской?

Надо выяснитъ вопросъ, откуда взялось столько разныхъ формъ одной и той же частицы.

Извѣстно, что монголы заимствовали свою письменность отъ уйгуровъ; извѣстно также, что монголы часто рабски слѣдовали уйгурскимъ образцамъ въ написаніи тѣхъ или другихъ словъ³. Уйгуры же, очевидно въ виду осо-

ᠪ («бү») калмыки часто пишутъ **ᠪ** («бу»), и это справедливѣе, такъ какъ въ этой частицѣ гласная *у* произносится коротко.

Памятники монгольскаго «квадратнаго» письма, трудъ араба-филолога и китайская транскрипція Юавъ-чао-ми-ши даютъ форму «бу», но въ этихъ источникахъ *у* и *ү* различить часто весьма трудно (см. проф. А. М. Позднѣевъ. Лекціи по исторіи монгольской литературы, читанныя въ 1896/97 акад. году. Записалъ и издалъ студентъ Х. П. Кристи. С.-Петербургъ, 1897 г., стр. 175—176).

П. М. Меліоранскій, Арабъ-филологъ о монгольскомъ языкѣ. ЗВОНРАО, т. XV, стр. 169. С.-Пб. 1903 г.

¹ Ойраты часто, напримѣръ, пишутъ **ᠪ** «угеі» вмѣсто правильнаго **ᠪ** «үгеі» — нѣтъ — совершенно пренебрегая всеми правилами своей письменности потому, что въ ихъ живомъ языкѣ это слово звучитъ угā, угō, угб; ср. В. Л. Котвичъ. Опытъ, стр. 2—6.

² Напр. въ экземплярѣ Парижской Национальной Библіотеки монгольскаго Ганджура (фондъ Pelliot), иногда воспроизводящемъ дословно редакцію рукописнаго монг. Ганджура, находящагося въ бібліотекѣ Петроградскаго Университета и представляющаго собою, повидимому, переводъ временъ Ликданъ-хаана, часто встрѣчаются формы **ᠪ** «бү» и **ᠪ** «бүү».

Первая изъ этихъ формъ часто попадается въ хул. изданіи монгольскаго сочиненія «бодһі седкіл тегдсүгсен көке коболаігу Саран көкеге перетү сібатуи-у тубуци» (Хул. Q. 9 по рукописному каталогу бібліотеки Императорскаго Петроградскаго Университета).

³ См. Б. Я. Владиміръцовъ. Турецкіе элементы въ монгольскомъ языкѣ. ЗВОНРАО, т. XX (С.-Петербургъ, 1911), стр. 162—169.

бенностей своего алфавита, затруднялись изображать конечное *ü* въ односложныхъ словахъ: дѣйствительно **ꞑ** «*ü*» на концѣ могло бы читаться, какъ «*ui*». Вѣроятно поэтому уйгуры стали обозначать конечное «*ü*» односложныхъ словъ черезъ два *y*: **ꞑ** «*уу*»; напр., **ꞑꞑ** «*суу*» = «*сү*» — войско, — при чемъ такое начертаніе закрѣпощалось за словомъ и употреблялось и тогда, когда не было въ немъ особой нужды, когда, напримѣръ, парашались частицы, и «*ü*» переставало быть конечнымъ; напр., **ꞑꞑꞑꞑ** «*сууси*» = «*сүси*» — его войско¹.

То же самое встрѣчаемъ мы и въ монгольской письменности; подражая уйгурамъ, монголы тоже стали изображать конечное «*ü*» односложныхъ словъ черезъ два *y*: **ꞑ** «*уу*»; напр., то же слово «*сү*» — войско, встрѣчается въ начертаніи **ꞑꞑ** «*суу*» = «*сү*» (vol. ка отдѣла Идудба экземпляра монгольскаго Ганджура Парижской Національной Библіотеки, f. 1 r.), т. е. совершенно такъ же, какъ и въ уйгурской письменности.

На этомъ основаніи можно предполагать, что монголы при помощи двухъ *y*: **ꞑ** «*уу*»: стали изображать и «*ü*» въ словѣ «*бү*» — не, не смѣй, т. е. стали писать **ꞑꞑ** «*буу*» = «*бү*»; формы же **ꞑ** и **ꞑꞑ**, которыя должны читаться «*бү*» и «*бүү*», указываютъ на стараніе такъ или иначе точно отмѣтить это конечное «*ü*». Благодаря алфавиту Зая-Пандиты западные монголы — ойраты — могли легко справиться съ задачей обозначать конечное «*ü*» въ односложныхъ словахъ и, дѣйствительно, въ ойратскихъ рукописяхъ мы чаще всего находимъ эту частицу отрицанія при повелительномъ поклоненіи въ формѣ **ꞑ** «*бү*».

Такимъ образомъ, на основаніи формъ какъ живыхъ монгольскихъ нарѣчій, такъ и письменныхъ монгольскихъ и ойратскихъ можно думать, что общей формой этой частицы отрицанія при повелительномъ поклоненіи было *бү.

Вышеупомянутая другая частица отрицанія при повелительномъ поклоненіи *бүтүгеі есть не что иное, какъ форма optativ. отъ глагола «*бү*» — быть, подобно другой частицѣ «*бајітубай*» — не только... но и, являющейся

¹ См. W. Radloff. *Ṭiṣṭavustik ein in türkischer Sprache bearbeitetes Buddhistisches Sūtra*. Bibliotheca Buddhica, XII, St.-Petersburg, 1910, p. 60.

optativ. отъ глагола «баји» — быть, существовать. Можно, поэтому, съ большой вѣроятностью предполагать, что частица отрицанія при повелительномъ наклоненіи *бў является формой imperativi того же глагола «бў» — быть¹, и труднымъ для объясненія представляется лишь семасіологическое измѣненіе.

6 декабря 1915 г.
Петроградъ.

---

¹ Любопытно отмѣтить, что въ живомъ литературномъ, разговорномъ языкѣ ойратовъ с.-з. Монголіи встрѣчается выраженіе бў келѣ (— не говори), часто употребляемое вмѣсто бāйтхā < «бајитурāи» — не только... но и.